

Александр Калягин: я смог пробить стену денег, обмана и взятки

Коммерсант & daily, 1997. — 25 сент. — с. 10

Появление новой театральной площадки — событие редкое даже для Москвы. Завтра премьерой спектакля по пьесе Бернарда Шоу «Смуглая леди сонетов» в постановке Романа Козака в столице откроется театр «Et cetera». Существующий уже несколько лет, теперь он получает свое помещение по адресу Новый Арбат, 11. Накануне открытия театра обозреватель «Коммерсанта-Daily» РОМАН ДОЛЖАНСКИЙ встретился с художественным руководителем театра АЛЕКСАНДРОМ КАЛЯГИНЫМ.

— Представьте себе, что вам предложили написать пособие на тему «Как сегодня открыть в Москве театр». Что бы вы могли посоветовать желающим?

— Нужно сначала очень долго репетировать Бог знает в каких помещениях, от туалета до подворотни. Ходить по началству, упрямивать, выбивать — при этом хорошо бы быть примелькавшимся на экране, известным. Долго искать помещение, потом его найти, потом отказаться от этого помещения. Найти другое и испытать чудовищное унижение, когда тебя оттуда выгоняют. Писать письма большим людям, которые не будут обращать на тебя внимание; потом писать еще большим людям и доказывать, убеждать, умолять. Работать параллельно над ролями, что-то играть, сниматься в кино и снимать его. Входить в какое-то политическое движение и потом выходить из него. Кого-нибудь поддерживать на выборах. Опять строчить письма в инстанции, надоедать всем, как муха, исходить километры козловых дорожек, жужжать. Получить в конце концов инфаркт... Ну и ждать: кто кого? То ли ты им понадобишься так, что все подпишут, то ли сам выдохнешься и сдашься. Вот и все пособие. Действительно, можно было бы написать книжку. Но мне бы не хотелось, чтобы у меня в голосе были слышны ноющие интонации. Я не хочу жаловаться. Нет ничего удивительного в том, что было тяжело.

Так и должно быть. Слишком многим людям, многим театрам пришлось хуже, чем нам.

— Действительно, в Москве, не говоря о других российских городах, немало популярных театров, которые активно работают, но собственной сцены не имеют. Например, «Мастерская Фоменко», Театр Романа Виктюка... Как вам удалось получить помещение на Новом Арбате?

— Мы здесь обитаем уже три года. Есть конкретный человек, который пустил нас в это помещение, это Ресин, заместитель Лужкова. Самому Лужкову я тоже очень благодарен. Мы тут все эти годы репетировали, даже пытались играть спектакли. Но это ведь бывший министерский конференц-зал, здесь отовсюду так и лез казенный дух партхозактива. Конечно, необходимо было перестроить зал для театра, нарастить сцену, оборудовать закулисы. Теперь у нас всего 400 мест, новое фойе, отдельный вход со Старого Арбата. Строительные работы заняли почти год.

— И сколько же стоило это преобразование?

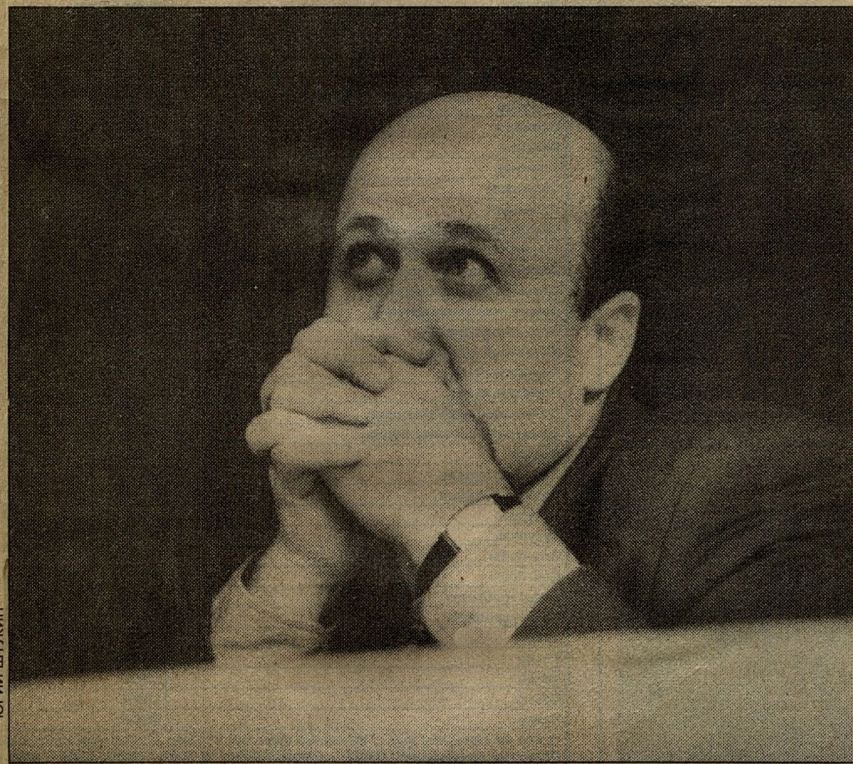
— Больше четырех миллиардов рублей. И это при том, что не все работы еще закончены. Какие-то деньги давал город, много дали спонсоры. Но бывали периоды, когда строители работали просто в долг, под мое честное слово. Ради моего имени, наверное.

— Понятно, что ваши имя и лицо сыграли решающую роль. Вы осознали за эти годы, что всенародная популярность не просто бальзам для души, а дорогостоящий товар?

— К этому надо относиться чрезвычайно спокойно. В советское время я этим же самым лицом доставал продукты, спускаясь в подвалы и промтоварные склады. Я же понимал, что мне выносили все эти колбасы и сапоги потому, что продавцам и завмагам было приятно, что к ним спустился популярный артист. Это нормально.

— Разве это не унижительно?

— Повторяю, это нормально. Это была для меня хорошая школа адапта-

Александр Калягин мечтал о собственном театре с детства

ции к жизни. Мои роли давали мне возможность открыть дверь какого-то кабинета, давали возможность быть хотя бы выслушанным. А когда наступили новые времена, у меня появился азарт: ну неужели я ничего не стою? Неужели ничего не значу? Мне просто стало интересно: смогу ли я пробить стену денег, обмана, взятки, всех этих чиновников? Оказалось, смог. Значу ли я что-то для этой власти? Оказалось, значу.

— Так что же, популярность — это неразменная монета? Или все-таки шагреновая кожа?

— Конечно, она растрачивается. Мне все время говорят: а вы бы за это время, что бегали по кабинетам и выбивали деньги, могли бы сыграть то-то и то-то... Ну что делать. Значит, мне так было назначено судь-

бой в эти годы играть мало и редко. У меня нет ощущения, что я принес себя в жертву созданию и строительству театра. Конечно, все это ложится на сердце, но у меня отходчивый характер. Сейчас я думаю: как правильно, что я отказался от многих ролей, которые мне в эти годы предлагали.

— Вернулся ли сейчас аппетит к актерской работе?

— А он и не уходил. Актеры часто это говорят, но я действительно на сцене чувствую себя так, как будто после долгой, неудобной, неестественной ходьбы на четвереньках распрямляюсь и нормально, свободно встаю на две ноги. Я на сцене активно отдыхаю от жизни.

— Но вы давно мечтали о собственном театре?

— Еще с детства. По моей просьбе мама заказала столтеру маленький макет театра, и он стоял у меня в комнате. Это с тех пор... А реально идея родилась еще семь лет назад, когда выпускался мой курс во мхатовской школе-студии. Но тогда это было совершенно невозможно. А ребята продолжали что-то где-то репетировать самостоятельно. Потом попросили меня посмотреть. Я что-то подправил раз, другой, так и втянулся. Теперь уже не представляю своей жизни без этого театра.

— А как же высокая художественная идея?

— Принято считать, что театр может родиться только тогда, когда появляется свежая театральная идея. Но я боюсь манифестов, особенно сегодня. Повторяю, наш театр родился не из идеи, а из хорошей компании. У меня нет жесткой концепции, я не могу сказать, что мой театр должен быть таким-то и никаким другим. Не случайно мы так назвали свой театр — «и так далее». Все театральные формы мне интересны. У меня нет гипертрофированных режиссерских амбиций. Я знаю, что самое главное придется доказывать теперь, когда театр уже есть. Мне тоже, даже в первую очередь — мне, придется держать экзамен, выходя на сцену. Уже завтра.

— Неужели вы и теперь верите в традиционную российскую идею театра-дома?

— Конечно, верю. Это должен быть дом, но при этом открытый для талантов со стороны. Сейчас выпускает спектакль Козак. До конца сезона у нас поставят по спектаклю Роберт Стурга и Михаил Мокеев.

— Вы не боитесь попасть в тепличные условия? Я имею в виду то, что вы одновременно являетесь председателем Союза театральных деятелей. Когда это кресло занимал Ульянов, многие считали, что критика щадила Театр Вахтангова...

— Это ерунда какая-то... Я даже и не думал об этом. Ни в коем случае. Я надеюсь на объективность и никогда не рассчитываю на подхалимаж.